

Рецензии

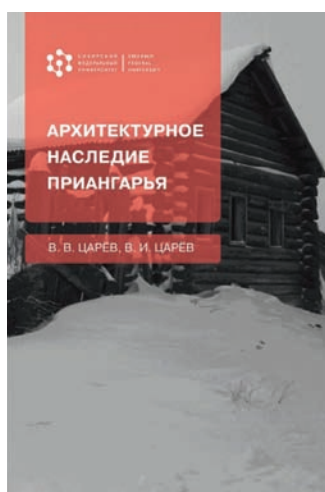
Бондаренко Игорь Андреевич (Москва). Доктор архитектуры, профессор, академик РААСН. Главный научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (111024, Москва, ул. Душинская, 9. НИИТИАГ). Эл.почта: igor.bondarenko.54@mail.ru.

Bondarenko Igor A. (Moscow). Doctor of Architecture, Professor, Academician of RAACS. Chief Researcher and Head of the Department of problems of the theory of architecture at the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (9 Dushinskaya st, Moscow, 111024. NIITIAG). E-mail: igor.bondarenko.54@mail.ru.

© Бондаренко И.А., 2022.

Academia. Архитектура и строительство, № 2, стр. 119–123.

Исторические поселения на Ангаре: от зарождения до разрушения

Царёв В.В., Царёв В.И. Архитектурное наследие Приангарья : Монография. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2022. – 388 с. ISBN 978-5-7638-4518-1.

В издательстве Сибирского федерального университета вышла в свет монография доктора архитектуры, советника РААСН, профессора В.И. Царёва и кандидата архитектуры В.В. Царёва, озаглавленная «Архитектурное наследие Приангарья». Это итог большой научно-исследовательской работы, выполненной в НИИТИАГ по Плану ФНИ РААСН и Минстроя России.

Книга посвящена уходящему и уже во многом ушедшему от нас безвозвратно замечательному архитектурному наследию, создававшемуся стараниями русских первопроходцев и поселенцев на берегах могучей сибирской реки Ангары, поначалу называвшейся Верхней Тунгуской. Издавна это были места обитания тунгусов – в среднем и нижнем течении реки, и бурят – в верхнем. Ангара – бурятский гидроним. Русские поселились здесь в XVII–XVIII веках, когда эта река служила основной транспортной магистралью, соединявшей Центральную Сибирь с Восточной.

Главным на Енисее поначалу являлся основанный в 1619 году Енисейский острог, ставший довольно крупным городом. От него пошло продвижение русских по Верхней Тунгуске – Ангаре, где были построены в 1628 году Рыбинский, в 1630 – Илимский, на следующий год Братский, а в 1661 году Иркутский остроги. Наименование Братского острога происходит от бурят – «братских людей», как их именовали в русских документах. Иркутск вблизи истока реки из священного озера Байкал стал опорным городом, закрепившим господство России в Восточной Сибири. В приведённых авторами источниках упоминаются и другие, малые остроги – Балаганский, Куданский, Яндинский, «острожок» Верхнеленский.

Стоит обратить внимание на отмеченный в монографии факт: в силу могучего течения Ангары – Верхнюю Тунгуску, считали в старину великой рекой, текущей до самого Северного Ледовитого океана, а меньший по масштабу Енисей – лишь её левым притоком.

В XIX веке роль речных путей резко ослабла в связи с прокладкой южнее сухопутного Сибирского тракта, а потом и железной дороги. Енисейск и система связанных с ним прибрежных острогов, сёл и деревень потеряли свое исключительное транзитное значение. На пересечении Енисея с этим трактом пошёл в рост Красноярск. И тем не менее жизнь по берегам Ангары не затухла. Люди успели здесь обжиться.

Наблюдалась ассимиляция русских переселенцев с коренными народами, принявшими православие. Стали заключаться смешанные браки. Появились обрусевшие тунгусы, по достоинству оценившие зимовку в срубной избе, а летом всё же предпочитавшие продолжать жить в своих традиционных урсах. Нечто подобное происходило и с бурятами, перенявшими со временем русские имена и обычаи.

Большое значение в достижении мирного сосуществования разных этносов играла подвижническая деятельность христианских миссионеров. В книге приводятся исторические данные о строительстве в острогах, сёлах и деревнях по берегам Ангары многих часовен и церквей, а также монастырей.

Обращает на себя внимание такой знаменательный факт, как пожертвование одним знатным крещёным тунгусом не только средств на строительство монастыря, но и самой земли, находившейся в его наследственной родовой собственности.

Первоочередное внимание уделяют авторы скрупулёзному выявлению по архивным источникам изменявшегося и пополнявшегося с течением времени перечня населённых мест и, конечно же, определению их расположения на берегах и островах Ангары и некоторых её притоков. Результаты этой работы впечатляют. Особую ценность представляют приведённые в книге ситуационные чертежи. По ним можно судить не только о самих деревнях и сёлах, но и об окружавших и кормивших их землях – пашнях, пастбищах, покосах, охотничьих и промысловых угодьях. В источниках упоминаются заимки, зимовья, слободы, солеварни, водяные мельницы, «железные заводы». Создаётся вполне достоверная и очень волнующая картина органического встраивания в огромное природное, таёжное пространство более или менее освоенных и окультуренных человеком ландшафтов.

К этому добавляются сведения о том, как людям приходилось отыскивать пригодные для поселений места, порой менять их в связи с разрушительными подтоплениями и обрушениями, всячески приспосабливаться к суровым природно-климатическим условиям и защищаться от них. Важна констатация того факта, что предпочтение отдавалось освоению северного, правого берега Ангары, имевшего солнечную экспозицию. Дома ставились здесь своими передами не только к улице, но и к воде. Левобережные же селения поворачивались к Ангаре задом, несмотря на весьма почтительное и благоговейное отношение к этой реке.

Огромный интерес представляют и сами усадьбы с их жилыми избами, клетями, сенями, крытыми и открытыми дворами, амбарами, хлевами, банями, тынами, воротами и прочими деревянными сооружениями, включая элементы благоустройства и замощения улиц и дворов. Авторы книги тщательно, по крупицам собрали весь сохранившийся в архивах неопубликованный и опубликованный материал по этому вопросу. Мало того, они существенно дополнили его своими собственными натурными наблюдениями, фотофиксациями, обмерами и графическими реконструкциями. Замечательно то, что им удалось в 2010-е годы совершить ряд экспедиций в эти края и принести оттуда не только новые знания, но и свои свежие острые впечатления, позволившие написать эту монографию на высоком профессиональном уровне и эмоциональном подъёме.

Проведённый анализ историко-архитектурных материалов позволил выявить на территории Приангарья существование разных типов домов, обращённых к улице чаще всего короткими торцевыми фасадами, но иногда и боковыми – длинными. Это можно считать свидетельством проникновения сюда строительных традиций разных регионов России. Но преобладающим на первом этапе, несомненно, был поток переселенцев из северных губерний.

Поначалу они довольствовались скромными избами-четырёхстенками, к которым пристраивались менее капитальные холодные сени. Со временем стало появляться всё больше трёхчастных домов на относительно высоких подклетах, состоявших из отапливаемой зимней избы, летней клетки или горницы без печи и сеней между ними. Находятся данные о строительстве в этих краях и больших домов-шестистенков с крестообразно расположенными внутренними стенами. Такие дома получались широкими, в идеале – квадратными в плане. При этом в народе они именовались «круглыми». Их было принято покрывать кровлей на четыре ската – «колпаком». Авторы трактуют эти дома как явление типичное для Сибири XIX – начала XX века, что верно, хотя надо сказать, что оно было известно и в европейской части России.

Создавались поселения с довольно правильной планировкой и рядовой застройкой. Но встречались и такие деревни,

Башня Братского острога в Московском государственном объединённом художественном историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике «Коломенское». Фотография авторов. 2017 г.

Село Богучанское. Уличный фасад жилого дома. Фотография А. П. Ермолаева. 1911 г. Красноярский краевой краеведческий музей

где порядок расположения строений улавливался с трудом. Отмечавший это современник находил объяснение тому в царившей здесь полной свободе, пользуясь которой каждый домовладелец волен был ставить свою избу так, как ему заблагорассудится. Однако нельзя сказать, что в этом не было смысла. Нам очень важно понять и по достоинству оценить суть данного явления – свободной планировки, столь характерной для Древней Руси. Исторические материалы, собранные в монографии, представляют с этой точки зрения особый интерес.

Приангарские поселения имели разные степени регулярности не только в силу приверженности их жителей к тем или иным культурным традициям, но и потому, что среди них были деревни, куда отправляли ссыльных, и более редкие посёлки, где жили служащие, надзирающие за ними. Отправлявшиеся на поселение ссыльные могли привносить различные новшества в архитектуру своих домов и дворов. Такой путь развития народного русского зодчества – целая тема, заслуживающая специального изучения.

Общий, неизбежно поверхностный взгляд на всю эту систему расселения по берегам Ангары создает впечатление, будто бы здесь, в сибирской глуши, жили в трудах и лишениях малоимущие, но выносливые, закалённые и суровые люди. Однако, более внимательный архитектурный анализ показывает, что дома этих людей бывали и весьма добротными, большими и приветливыми, обильно украшенными деревянной резьбой и красочными росписями. Природные условия, сами масштабы окружающего пространства способствовали в этих местах успешным промыслам, животноводству и земледелию. Родившиеся и выросшие здесь молодые поколения подхватывали эстафету у старших и упорно и преемственно развивали свои наследственные хозяйства.

Надо иметь в виду, что в царской России были политические ссыльные из числа дворян и разночинцев, отправлявшиеся в Сибирь, но, как правило, не укоренявшиеся там, а возвращавшиеся по истечении срока в свои города. Простые разбойники и уголовники тоже вряд ли могли стать на поселения успешными крестьянами. А вот староверы и сектанты разных согласий вполне подходили для этого. Известно, что против них возбуждались дела по линии Синода и что их ссылали в Сибирь целыми общинами.

Наверное, именно этой категории людей была во многом обязана своим обустройством и процветанием территория

Деревня Каменка. Вид с р. Ангары. Фотография начала XX в. Богучанский краеведческий музей

Приангарья. В монографии приводятся краткие исторические свидетельства о поселениях на рассматриваемой территории беглых старообрядцев, о ссыльных же, к сожалению, говорится без упоминания конфессиональной принадлежности. Бежали от властей за Урал старообрядцы на раннем этапе заселения русскими Сибири, в XVII – начале XVIII века. Этот известный факт даёт основание полагать, что многие (если не все) первые ангарские поселения принадлежали противникам никонианских реформ. Тем более что казаки – первопроходцы – являлись в большинстве своём тоже староверами. Другое дело, что это не афишировалось.

Статистические данные, собранные в монографии, определённо указывают на то, что многие деревни в этих краях, несмотря на многокилометровую разобщённость, не имели даже часовен. В них существовали лишь «молитвенные дома». Церкви зафиксированы, главным образом, в сёлах и монастырях. И то про некоторые из них написано: «по чьему разрешению поставлена неизвестно». Это подкрепляет наше предположение о том, что здесь жили старообрядцы, отчасти скрывавшие своё вероисповедание от официальных властей. И ещё здесь жили новообращённые буряты и тунгусы, которые тоже скрывали от властей сохранявшиеся у них традиции языческих культов и шаманизма.

Впрочем, большой остров на Ангаре открыто именовался Шаманским, а деревня на нём – Нижней Шаманкой. Значит, была где-то и Верхняя Шаманка. Зафиксированы в тех же краях и речка Шаманка, и Шаманский порог. Как видно, местность эта хранила память о большом культовом центре древних народов Сибири.

Можно было бы подумать, что староверы в своих постройках строго следовали образцам древнерусского зодчества. Однако это не совсем так. Они склонны были воспроизводить аскетичные архитектурные формы, хотя могли придавать им и большую пластическую выразительность, как это видим мы на Русском Севере. В данном случае, на Ангаре они соглашались на возведение храмов и по новым, классицистическим образцовым проектам, насаждавшимся Синодом. Впрочем, согласие их на то не требовалось. Империя вела свою унифицирующую конфессиональную политику, с которой приходилось считаться. Возможно, самые непримиримые поборники старой веры принимали решения о переходе на другие, более уединённые места, в

Нижнее Приангарье. Село Богучаны. Усадьбы с двумя дворами хозяйств средней зажиточности. Фотографии А.П. Ермолаева. 1911 г. Красноярский краевой краеведческий музей

глубину тайги, а то и в другие страны, но многие несомненно оставались на этих землях, ставших для них родиной.

В эпоху капитализма из староверов, как известно, выросли крупные российские предприниматели. Надо полагать, что и в Приангарье происходил процесс роста успешных крестьянских хозяйств. Об этом свидетельствуют приводимые в монографии данные о больших богатых домах. Хозяевами их были наверняка люди разного происхождения. Но все они относились к местным старожилам. Поэтому и поселения, о которых идет речь в монографии, в целом стало принято называть старожильческими. Этот термин, неоднократно используемый авторами, представляется вполне удачным и ёмким по содержанию.

Но вот – для России настали бурные революционные времена. Пали не только старые монархические порядки, но и молодые буржуазные. Поддержавшие, было, революцию старообрядцы, попали в число преследуемых капиталистов и кулаков. Тогда началось разорение и Приангарья. Отдалённость этих земель, правда, смягчала остроту политической ситуации. Здешним старожилам могло казаться, что со временем всё нормализуется.

Потом была Великая Отечественная война, резко активизировавшая индустриальное развитие тыла. Наверняка район Приангарья потерял многих своих крестьян, погибших на фронте или пополнивших ряды заводских рабочих. Но и это он смог бы пережить и выправиться со временем, если бы только не возникшие вдруг грандиозные планы развития сибирской гидроэнергетики в связке с крупной химической, алюминиевой, горнорудной и прочей промышленностью.

Первый проект каскада ангарских ГЭС появился в 1947 году. В 1960-е годы были сооружены Иркутская, Братская и Усть-Илимская гидроэлектростанции с их обширными водохранилищами, стёршими с лица земли массу исторических поселений. В 1974 году начались работы по созданию четвёртой – Богучанской ГЭС. Эти работы, однако, затянулись на сорок лет. Причиной тому стали протестные выступления, прежде всего, защитников природы, экологов, а также поборников сохранения историко-культурного наследия, авторитетных учёных и писателей.

Начавшаяся «перестройка», казалось, положит конец подобного рода хищническому природопользованию. Тогда на высшем уровне было решено отказаться от проектов

Спасская церковь перед затоплением села Кежда. Фотография 2009 г. Кежемский историко-этнографический музей

переброски части воды северных рек в южные засушливые республики. И в целом категорическому осуждению подвергся чудовищный сталинский план преобразования природы. Однако прошло время, и к осуществлению проекта Богучанской ГЭС вернулись. В 2012–2014 годы она была введена в эксплуатацию, а с 2015 года заработала на полную мощность.

На этом современная история индустриального покорения Ангары, увы, отнюдь не закончилась. В настоящее время идёт подготовка реализации проекта пятого элемента каскада – Нижнебогучанской ГЭС. Следом намечено строительство ещё двух электростанций и плотин с обширными водохранилищами перед ними.

На первых этапах гидротехнических преобразований местности археологами, историками и архитекторами в экстренном, но всё же плановом порядке проводились широкомасштабные обследования обрекавшихся на затопление территорий. Это позволило выявить множество культурных ценностей и спасти некоторые из них путём перенесения в специально созданные в безопасных местах музейные комплексы.

Сейчас ситуация сложилась совершенно иная: крупные корпорации напористо идут к достижению своих баснословных экономических выгод, а защита историко-культурного и природного наследия региона находится в заведомо проигрышном положении, так как не обеспечена в должной мере ни административными, ни экономическими ресурсами.

Почему в наше время происходит такое? Очевидно, потому, что у предпринимателей и чиновников нет настоящего осознания той уникальной и невозстановимой ценности, которой обладают приносимые в жертву гидротехническим сооружениям поселения и культурные ландшафты. Их отличает высокомерный взгляд на деревенские строения, сильно обветшавшие к настоящему времени, а то и покинутые хозяевами, отдавшими предпочтение городскому образу жизни. Им кажется, что всё стоящее уже выявили и перенесли в музеи, а то, что осталось, – не заслуживает внимания. Им невдомёк, насколько сильно возрос и продолжает возрастать в последнее время общественный интерес к истории, культуре и отнюдь не только к знаковым, но и рядовым, совсем скромным памятникам старины.

Леонардо да Винчи в своё время высказал глубочайшую мысль: «Великая любовь порождается великим знанием».

Деревня Юрокта Кежемского района. Церковь XIX в. Фотография авторов. 2014 г.

Действительно, как можно ценить и любить то, о чём имеешь поверхностное, туманное представление? Не зная понастоящему наследия Приангарья, легко можно пережить его уничтожение. Ничего не стоит принять решение о затоплении огромных территорий с их первобытными стоянками, священными урочищами, могилами и кочевьями аборигенов, старожильческими поселениями, церквями и монастырями, а заодно и со звериными норами и тропами, берлогами и логовами, птичьими гнёздами и самими вековечными деревьями, рощами и борами, густыми чащами и светлыми полянами, холмами и болотами, реками и озёрами, каменистыми обрывами и заливными лугами...

Вот для чего нужна и важна данная книга! Она призвана просветить читателей и пробудить в них интерес к уникальной территории Приангарья, дать им необходимые знания, а в конечном итоге – привить любовь к этой богатой земле и обильной воде, чарующим пейзажам и остающимся ещё здесь следам многих трудов человеческих. Когда это произойдет, тогда, несомненно, изменится к лучшему отношение к проблемам сохранения и регенерации наследия, а преобразовательная деятельность войдет в рамки допустимого.

Очень многое для достижения этой благой цели дают выбранные авторами и включённые в монографию цитаты из прославленной книги Валентина Григорьевича Распутина «Прощание с Матёрой». Эти выстраданные писателем жгучие фразы не могут оставить равнодушным никого, кто их прочтёт с должным вниманием.

Сами авторы следуют строгой академической манере написания фундаментального научного труда. И это придаёт их текстам объективную взвешенность и солидность. Следует

отметить, что эти тексты по мере подготовки проходили серьёзную апробацию на заседаниях Учёного совета Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (филиала «ЦНИИП Минстроя России» – НИИТИАГ). Вместе с тем выдержки из исторических письменных источников приводятся в монографии не так, как обычно – в виде кратких цитат и сухих пересказов, – а по возможности целиком или большими кусками, позволяющими уловить манеры изложения и частные наблюдения очевидцев. Это очень обогащает работу и в содержательном, и в эмоциональном планах.

Особой похвалы заслуживает умелая и внимательная подготовка авторами иллюстративных материалов, делающих монографию чрезвычайно привлекательной и весьма информативной.

Трудно переоценить и усилия авторов по обоснованию необходимости создания новых музеев под открытым небом, куда можно было бы перевезти некоторые образцы народного зодчества из районов, обрекаемых на затопление. Пусть эти музеи служат вечным напоминанием о такой «прогрессивной» модернизации среды, которая повлекла за собой уничтожение её жизнедеятельности. Напоминанием и укором тем, от кого зависело принятие принципиальных решений.

Опыт подготовки данной монографии – вполне научной и в то же время интересной и полезной широкому кругу читателей – стоило бы распространить и на другие местности и регионы. Ведь они тоже нуждаются в выявлении, изучении и сохранении своего историко-культурного и природного наследия, являющегося неотъемлемой частью общенационального достояния Российской Федерации.